

НИКИТА ГИЛЯРОВ-
ПЛАТОНОВ

**ВОЗРОЖДЕНИЕ
ОБЩЕСТВА
ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ В
1858 ГОДУ**

Никита Гиляров-Платонов

**Возрождение Общества
любителей российской
словесности в 1858 году**

«Public Domain»

1886

Гиляров-Платонов Н. П.

Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году / Н. П. Гиляров-Платонов — «Public Domain», 1886

«Мм. гг! Мое чтение будет посвящено любопытному явлению в жизни нашего Общества – любителей российской словесности. Основалось оно в 1811 году и 24 года действовало; затем другие 24 года бездействовало и в 1858 году пробудилось. Этому пробуждению я был свидетелем и участником и о нем буду повествовать...»

Никита Гиляров-Платонов

Возрождение Общества любителей русской словесности в 1858 году

(Речь, читанная в публичном заседании Общества 7 декабря 1886 года)

Мм. гг.! Мое чтение будет посвящено любопытному явлению в жизни нашего Общества – любителей русской словесности. Основалось оно в 1811 году и 24 года действовало; затем другие 24 года бездействовало и в 1858 году пробудилось. Этого пробуждения я был свидетелем и участником и о нем буду повествовать.

Теперешние люди с трудом и представляют себе конец пятидесятых годов. Нам легче вообразить времена, следовавшие за царствованием Екатерины или Александра I; с начальными же годами Александра II наше время не имеет аналогии. То было состояние влюбленных перед свадьбою: апрель месяц, когда снег еще на полях, но уже бегут ручьи, солнце пригревает, почки надулись, жаворонки поют, скворцы суетятся около гнезд. Облегчилось на душе; ждалось чего-то еще неизвестного, но непременно светлого; в умах бодрость, силы оживились, старики помолодели.

Вот к какому времени относится событие, о котором я говорю. Оглядываюсь: как давно это было! Щедрин тогда только что дебютировал «Губернскими очерками», Тургенев известен был лишь «Записками охотника», о Льве Толстом говорили, что это будущий большой талант, Достоевский еще не отбыл наказания. Но что же было тогда особенного? Откуда такое праздничное настроение? – Совершался перелом, начинался новый исторический период. Крепостное право стояло в самой силе, здравствовали уездные суды с магистратами, рекрутчина и откупа. Но, как выразился тогда Н. Ф. Павлов по поводу прощения декабристов, слышалось, что «новым духом веет, новое время настало». Редакционные комитеты и специальные отделы толстых журналов работали над крестьянским вопросом; для обсуждения его явились даже два особые издания, исключительно им занимавшиеся. За исходом крестьянского виднелись в тумане другие вопросы, от решения которых ждали тоже свободы или, как выражались тогда, избегая этого запретного слова, – ждали «улучшения быта», – узаконенное выражение, затасканное потом до комизма и бессмыслицы.

Печать по наружности оставалась в прежнем положении: тот же Цензурный устав висел над нею, да еще вдобавок к нему тринадцать или больше специальных цензур каждого ведомства. Еще сидели на местах старые цензоры, из них один, вычеркивавший «вольный дух» в поваренных книгах, и другой, тоже мой сослуживец, выходивший со двора не иначе, как в сопровождении слуги и с запискою в кармане: «Сей труп принадлежит статскому советнику такому-то, жительствоющему там-то». Цензурная обязанность и страхи, с нею соединенные, развили до такой болезненности мнительность старика, что он боялся умереть на улице, быть поднятым и отправленным в полицейский дом, а не то в анатомический театр.

Однако в цензуре явились и свежие силы; однако носилось слово Государя министру Норову: «Избавь меня от цензоров глупых, дай мне цензоров разумных»; однако товарищем министра был Вяземский, сам писатель и поэт, считавшийся в Николаевское царствование представителем либерального направления.

Циркуляры по цензурному ведомству сыпались, правда, как дождь; молодым цензорам слали выговоры, угрозы отставкой, да и отставляли их; еще не забыт был арест Никитенки, посаженного за то, что в повести, при описании бала, допустил фразу: «танцевал и инженер с выпущенными воротничками». (Выпускать воротнички противно дисциплине, и вымы-

сел такого факта оскорбителен для ведомства). Но плотина была прорвана, и если перечитать то, что писалось в период 1857 – 1861 годов, то даже усомнишься, много ли шагнула к нашему времени вперед свобода слова против того времени и не попятилась ли она даже назад несколько.

Жажда публичности в обществе, – разумею, конечно, мыслящий класс, – была чрезвычайная. От тех времен и пошло выражение «благодетельная гласность», истаскавшееся потом не менее «улучшения быта». Почин «благодетельной гласности» принадлежал, как известно, еще «Морскому сборнику», в последние годы Николаевского царствования. Необходимость поворота уже тогда чувствовалась, и Морское ведомство выступило застрельщиком, благодаря тому что во главе его стоял сын Государя. Министерство, ему подчиненное, образовало лабораторию новых государственных сил, где готовились будущие министры: Головин – просвещения, Набоков – юстиции, Рейтерн – финансов, граф Толстой – просвещения, духовных дел и потом внутренних, князь Д. Оболенский – государственных имуществ. Все это были тогда директорами и вице-директорами Морского министерства. С воцарением нового Государя гласность, по следам «Морского сборника», уже завоевала право, хотя закон ее не признавал. Все, вольно и невольно молчавшее, заговорило. Так было в обеих столицах; но в Москве, которая была общественным центром, предоставляя Петербургу быть государственным, жизнь была особенным ключом. В этом горниле, как вам известно, выработались главные деятели и по крестьянской реформе, и после – по судебной. Отсюда они вышли и здесь они надумались об основаниях. Два журнала в Москве выставили силы. За ними вслед являлись непрерывно, хотя и лопались, газеты одна за другою. Но этим не довольствовались; зародился здесь обычай спичей, о котором в Петербурге не посмели бы и думать. И ради них, – да, ради спичей единственно, – устраивались богатые обеды с сотнями кувертов. Робко о своем праве заявлял этот обычай тоже еще в прошлое царствование, начавшись чествованием севастопольских защитников. Но теперь слово просилось по каждому поводу, хоть и теперь если не робость, то застенчивость не покидала еще знаменитых даже впоследствии ораторов. Как вспомнишь тогдашнее да сравнишь теперешнее, то даже смешно становится. На знаменитом обеде-монстре, который дан был Кокоревым чуть ли не на 500 человек, куда названы были все, кто только имел притязание на интеллигентность, говорил, между прочим, Ю. Ф. Самарин. Он читал свою речь по рукописи, подобно другим. Я поразился и даже обиделся за него. Знавшие Юрия Федоровича засвидетельствуют, что в даре живого слова он не имел себе равных. Это бывал поток, и притом искрящийся: речь необыкновенно правильная, выдержанный логический строй, и вместе блеск остроумия, пропитанного иронией, – все это было при нем и ранее кокоревского обеда, как и после, на земских и дружеских собраниях. Я выразил ему удивление. «Хорошо вам делать замечания, когда вы привыкли импровизировать на кафедре!» – отвечал он. В наше время развязного красноречия «прелюбодеев слова», как их называл их же собрат, не правда ли, даже с трудом верится, о чем я рассказываю?

Боюсь злоупотребить терпением собрания, но не могу умолчать о другом спиче, которого автором был недавно скончавшийся Николай Христофорович Кетчер. Состоялись выборы председателя в Коммерческий суд. Обед. Как же без спичей и как без гостей, интеллигентных вообще, а не одних купцов и юристов? Приглашен и я. На этот раз спич был импровизованный. Кетчер с бокалом в руках вскочил на стол (обед был в Благородном собрании). Подробности речи не помню. Оратор говорил, разумеется, о новом времени и новом духе, о предвидимых реформах, которыми обязан народ Государю, и в заключение воскликнул памятным каждому, кто знал Кетчера, зычным голосом, достойным командовать полками: «На колени!» Последовал народный гимн. Все опустили кроме двоих. Я не последовал общему примеру по неожиданности приглашения; думаю, по тому же побуждению – Д. А. Ровинский, теперь сенатор, один из творцов судебной реформы, тогда служивший еще

губернским прокурором. П. М. Леонтьев (его на обеде не было), смеясь, выразился мне по этому случаю не без остроумия: «Как вышло на изворот: в верноподданнической демонстрации не приняли участия прокурор да цензор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.